

ИРКУТСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

СЖОВОДАТЪЛНОО ЧИЗАННО.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Жандармск. ул.,
въ д. Кочетковой.

января 28

1889 г.

№

4.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

По опредѣленію Иркутскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся на 10—14 января с. г., утверждены церковными старостами на трех-лѣтіе съ 1889 по 1892 годъ: къ Мартьяновской Ильинской церкви крестьянинъ Мартьяновскаго селенія Георгій Петровъ Потаповъ, къ приписной Казачьей Николаевской крестьянинъ Осиновской деревни Алексѣй Михайловъ Добрынинъ и къ Макаровской Ильинской—приписной къ Криволицкой Николаевской—крестьянинъ деревни Карасовой Иванъ Андреевъ Карасовъ.

Протоіерей градо-Иркутской Успенской церкви Сумеонъ Писаревъ, согласно его прошенію, по резолюціи высокопреосвященнѣйшаго Веніамина, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго, назначенъ миссіонеромъ въ Бохойскій станъ, а миссіонеръ священникъ Іоаннъ Лахинъ, перемѣщенъ къ Николаевской церкви села Александровскаго.

Миссіонеръ Шимковскаго миссіонерскаго стана, священникъ Михаилъ Кобыловъ, преосвященнѣйшимъ Макаріемъ епископомъ Киренскимъ, за отлично-усердную службу 6 января с. г. награжденъ набедренникомъ.

Резолюціей преосвященнѣйшаго Мелетія, епископа Селенгинскаго, нижепоименованныя лица утверждены въ должности церковныхъ старостъ: казакъ Петръ Николаевъ Костроминъ, къ Тургинской Знаменской церкви; Казакъ Максимъ Ивановъ Горловъ къ Донинской Николаевской (единовѣрческой) церкви; урядникъ Матвѣй Бурлаковъ къ Чаганъ-Усунской Николаевской церкви; крещенный тунгусъ Петръ Татариновъ—къ Нарынской Ильинской церкви; инородецъ Михаилъ Титовъ—къ Донинской Михаило-Архангельской церкви.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

января 28 № 4. 1889 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Лекція о буддизмѣ, читанная 19 ч. декабря 1888 г. И. А. Подгорбунскимъ, преподавателемъ Иркутской духовной Семинаріи, въ залѣ Музея Иркутскаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества.—Фальсификація восковыхъ свѣчъ.—Объявленіе.

Лекція о буддизмѣ, читанная 19 декабря 1888 г. И. А. Подгорбунскимъ, преподавателемъ Иркутской духовной Семинаріи, въ залѣ Музея Иркутскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго Географическаго Общества.

(О К О Н Ч А Н І Е).

Понятно, что вмѣстѣ съ облегченіемъ пути къ нирванѣ, благодаря покровительству существъ другаго мира и заклинаніямъ, должны были надать и дисциплинарныя правила. По смыслу требованій древняго буддизма, каждый вступающій въ общину долженъ былъ принять обѣтъ нищенства, не брать ни золота, ни серебра, ни драгоценностей, даже достаточнаго запаса пищи, которую онъ долженъ былъ собирать ежедневно самъ и въ такомъ количествѣ, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду, носить одежду сшитую изъ лоскутьевъ, подобранныхъ въ помойныхъ ямахъ, строго соблюдать обѣтъ безбрачія, жить на кладбищахъ и въ лѣсахъ и пр. Въ отношеніяхъ къ окружающимъ аскетъ не долженъ былъ ни грабить, ни губить, ни воровать, ни дѣлать зла другимъ и т.

д., потому, что все это поставило бы его въ неприятыя отноше-
 ния къ другимъ, заставило бы думать, рѣшать, волноваться,
 а этого-то онъ и боялся больше всего. Теперь ламы ни чего
 подобнаго не соблюдаютъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти пра-
 вила имѣли значеніе тогда только, когда человѣкъ самъ хо-
 тѣлъ работать надъ собою, имѣли значеніе какъ нормы,
 которыми опредѣлялось его поведеніе и вся жизнь. Теперь
 же, когда благодаря таинственнымъ закличаніямъ, человѣкъ
 можетъ обойтись безъ нихъ, они естественно потеряли свое
 прежнее значеніе. Поэтому теперь вмѣсто кладбищъ, ламы
 живутъ въ удобныхъ домахъ или юртахъ, вмѣсто лоскут-
 ковъ, подобранныхъ въ помойныхъ ямахъ, одѣваются въ до-
 рогія шелковыя одежды, вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ
 открыто съ женами и имѣютъ дѣтей, пьютъ вино, какъ воду,
 подносятъ подарки, стоящіе десятки тысячъ рублей, а нако-
 нецъ, нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ г. Позднѣва, просла-
 вились какъ разбойники. Но это не все. И то небольшое, что
 осталось отъ древнихъ правилъ обязательнымъ, ламы нахо-
 дятъ возможнымъ всегда обходить, извиняя всѣмъ, чѣмъ только
 можно извинить свои отступленія. Чтобы видѣть до какихъ
 нелѣпостей доходятъ иногда эти извиненія, укажу на одинъ
 изъ многочисленныхъ подобнаго же рода примѣровъ, а именно,
 на наставленія вступающему въ ламы, какъ онъ долженъ
 относиться къ своему руководителю: «Необходимо, читаемъ
 въ одномъ изъ такихъ руководствъ, возбудить къ нему благо-
 говѣніе и смотрѣть на него, какъ на освободившагося отъ
 всѣхъ недостатковъ и исполненнаго всякихъ совершенствъ.
 Но такъ какъ ламы смѣшиваютъ въ себѣ совершенства съ
 недостатками, то нужно заградить мысль соблазняющаго этими
 послѣдними. Когда заградится эта мысль, тогда лама будетъ

представляться исполненнымъ всѣхъ совершенствъ. Здѣсь въ тебѣ родится такое раздумье: представляется, что у ламы есть недостатки; но на самомъ ли дѣлѣ есть то, что представляется мнѣ? Если нѣтъ, то почему же это представляется? Затѣмъ размышляй такъ: у него, у высокаго ламы, возможно ли, чтобъ былъ такой-то порокъ и такой-то недостатокъ? Это я самъ, находясь въ продолженіи безчисленныхъ перерожденій подъ вліяніемъ препятствій отъ дѣлъ и суеты, вижу то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Отъ обмана чувствъ бѣлоснѣжная гора представляется голубоватою; для глазъ, пораженныхъ болѣзною, и раковина представляется желтою. Какое различіе между этимъ и моими представленіями о недостаткахъ ламы? И еще: почему знать, можетъ быть, онъ намѣренно показываетъ въ себѣ тѣ или другія несовершенства, имѣя въ виду по способу примѣнительности доставить пользу одушевленнымъ существамъ, подверженнымъ вліянію трехъ золь? Размышляй такимъ образомъ чаще, и тогда, какъ будто сквозь отверстіе проникаетъ солнечный лучъ въ темноту, все, что казалось въ ламѣ возмутительнымъ и чернымъ, представится безпорочнымъ и яснымъ».

Таковы уклоненія позднѣйшаго буддизма отъ пути къ нирванѣ, начертаннаго буддой, уклоненія, зависѣвшія частію отъ признанія человѣкомъ своей слабости, а частію отъ инстинктивнаго отвращенія къ нирванѣ. Но буддизмъ допустилъ еще одну уступку, состоящую въ томъ, что къ участію въ своихъ благахъ онъ допустилъ и мірянъ. Дѣло въ томъ, что, по смыслу первоначальныхъ его требованій, спастись могъ только одинъ отшельникъ. Что же касается мірянъ, то первоначально буддизмъ имъ ничего не давалъ и ничего не обѣщалъ. Но уже въ концѣ жизни будды правило это подвергалось исключеніямъ

въ виду того, что отшельники не могли обойтись безъ мірянъ какъ милостынедателей, а послѣдніе, подавая милостыню, разумѣется, требовали для себя и нѣкоторой доли участія въ блаженствѣ. И вотъ буддизмъ начинаетъ обѣщать имъ это послѣднее, но обѣщаетъ не нирвану, достиженіе которой остается по прежнему и привилегіей отшельниковъ, а только возрожденіе на небесахъ, откуда удобнѣе достигнуть и нирваны. Такъ, восхваляя одну изъ своихъ ревностныхъ благотворительницъ — нѣкую Висаку, будда говорилъ: «съ радостію расточаетъ пищу и питье эта выдающаяся добродѣтелями ученица святаго. Она разсыпаетъ дары несумняся, и вѣчно помышляетъ лишь о томъ, чтобы смягчить горести и доставить всѣмъ радости. Ей будетъ дана въ удѣлъ жизнь на небесахъ. Свѣтлый путь избрала она, путь славный. Не видавъ печалей, долго, долго, будетъ вкушать она награду за добро на небѣ». Но до времени Атоки, буддизмъ мало обращалъ вниманія на внутреннюю жизнь мірянъ, предоставляя имъ дѣлать все, что угодно, и жить, какъ хочется, лишь бы они подавали милостыню. Съ этого же времени требованія его начинаютъ проникать и въ эту послѣднюю. Теперь и мірянинъ долженъ исполнять самыя общія требованія буддизма, чтобы спастись, тогда какъ прежде для этого достаточно было только подавать милостыню. Словомъ теперь буддизмъ нормируетъ и жизнь мірянъ и только подъ условіемъ исполненія его требованій обѣщаетъ имъ въ будущемъ такія возрожденія, что они сдѣлаются или духами или отшельниками, а для этихъ послѣднихъ путь къ нирванѣ потерянъ.

И такъ, что же такое новый буддизмъ по отношенію къ древнему? Это рядъ послабленій и уступокъ требованій послѣдняго, послабленій, касающихся какъ самаго идеала

счастія и блага, такъ и пути ведущаго къ послѣднему, послабленій въ пользу правъ личности, которая не хотѣла и не могла ни отказаться отъ прогресса и развитія, ни наложить на себя рукъ, потому что въ полномъ и всестороннемъ ея развитіи—смыслъ ея жизни и исторіи. Но и при этихъ уступкахъ буддизмъ продолжаетъ въ принципѣ оставаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и прежде, т. е. и теперь, какъ и прежде, въ концѣ концовъ, онъ требуетъ самоотрѣченія, самоубійства; и теперь какъ и прежде, желая быть прогрессивной силой, онъ является силой регрессивной потому что, благодаря неестественности своего идеала, на нѣсколько столѣтій остановилъ культурный ростъ націй, его исповѣдывающихъ. Разница только въ томъ, что прежде онъ былъ философіей отчаянія, теперь же сдѣлался религіей отчаянія и самоубійства. Правда, онъ развилъ въ своихъ послѣдователяхъ мягкость, сострадательность, отвращеніе къ жестокости въ отношеніи ко всѣмъ вообще живымъ существамъ; но во первыхъ, всѣ эти качества съ точки зрѣнія буддизма не имѣютъ той нравственной цѣны, какую они имѣютъ съ нашей, а во вторыхъ, это доброе такъ незначительно, что совершенно теряется въ массѣ того зла, которое онъ причинилъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему буддистъ мягокъ, сострадателенъ, не жестокъ? Да потому что ему выгодно быть таковымъ; потому что жестокость съ его стороны вызоветъ сопротивленіе, заставитъ его думать, рѣшать, волноваться и такимъ образомъ послужитъ причиною новыхъ возрожденій. А буддистъ боится этихъ послѣднихъ. Даже самыя его, на первый взглядъ, возвышенныя нравственныя правила теряютъ всю свою цѣну, потому что, говоритъ Ольденбергъ, предпочтеніе, отдаваемое имъ нравственнымъ поступкамъ предъ безнравственными, обуславливается скорѣе той выгодой, кото-

рую онъ извлекаетъ изъ того или другаго образа дѣйствій, чѣмъ какимъ либо другимъ чувствомъ. Буддистъ никого не любитъ кромѣ себя, хотя и никого не ненавидитъ, потому что это выгодноѣ для него. Ему нѣтъ дѣла до окружающаго не только потому, что онъ долженъ безучастно относиться къ этому послѣднему, а еще и потому, что его не интересуетъ это окружающее. Отъ этого нравственныя требованія буддизма— постулаты разума, практическія правила жизни, результатъ холоднаго и ко всему безучастнаго кромѣ своей выгоды расчета. Этому нисколько не противорѣчить и та широкая благотворительность, на которую часто указываютъ его новѣйшіе апологеты и которая простирается до того, что буддистъ жертвуетъ самимъ собою. Дѣло въ томъ, что буддистъ подаетъ милостыню и жертвуетъ собою не во имя любви къ другимъ, не изъ желанія помочь имъ, а потому что ему ничего не нужно, потому что все, чѣмъ онъ владѣетъ—тяжелое бремя. Словомъ буддистъ отдаетъ только то, что ему не нужно и даже вредно. Вотъ что говорить, напр., легенда объ одномъ изъ самопожертвованій будды. Однажды онъ возродился царевичемъ, который съ малыхъ лѣтъ отличался сострадательностію ко всему живому. Кромѣ его, въ семьѣ его отца, были еще два старшихъ брата. Случилось однажды, что царь со свитой и дѣтьми отправился гулять въ нагорный лѣсъ. Во время прогулки всѣ три царевича отдѣлились отъ свиты и вошли въ самую чащу лѣса. Тамъ они увидѣли только что разрѣшившуюся отъ бремени тигрицу, которая до того мучилась голодомъ и жаждой, что готова была съѣсть своихъ дѣтенышей. Когда младшій царевичъ изъ распросовъ братьевъ узналъ о ея намѣреніи, онъ подумалъ: давно и долго уже скитаюсь я по перерожденіямъ и

много страданій перенесъ. А все это зависѣло отъ приязнанности и любви моей къ тѣлу (т. е. сознательно личному существованію). Хорошо будетъ, если я отдамъ его тигрицѣ. Рѣшивъ такъ, онъ на обратномъ пути отсталъ отъ братьевъ и накормилъ собою тигрицу. За это онъ возродился духомъ неба Тушита, а потомъ стяжалъ достоинство будды. Другой разъ и въ другомъ перерожденіи съ тою же цѣлію накормилъ своимъ мясомъ родителей, когда они бѣжали отъ преслѣдованій одного возставшаго вассала, третій разъ коршуна и т. д. Такимъ образомъ ни нравственное ученіе, ни ихъ качества, которыя развилъ буддизмъ въ своихъ послѣдователяхъ, во все не имѣютъ той цѣны, которую имъ часто приписываютъ. Напротивъ, своимъ ученіемъ о тлѣнности всего существующаго онъ сдѣлалъ своихъ послѣдователей безучастными ко всему новому и живому, убилъ въ нихъ энергію жизни, приучилъ проводить цѣлую жизнь въ ничего—недѣланіи. Отъ этого буддистъ не интересуется ни успѣхами человѣческаго знанія, ни изучаетъ окружающее. Правда, молодое поколѣніе буддистовъ индусовъ начинаетъ въ послѣднее время наводнять англійскіе университеты, а многіе изъ цейлонскихъ аскетовъ знакомятся съ произведеніями европейскихъ мыслителей, особенно дарвиновской школы, но первые, по окончаніи курса, обыкновенно перестаютъ быть буддистами, а послѣдніе имѣютъ въ виду исключительно апологетическія цѣли, т. е. стараются доказать, что буддизмъ и дарвинизмъ одно и то же. Что касается сѣверныхъ буддистовъ, особенно монголовъ и тибетцевъ, гдѣ буддизмъ пустилъ наиболѣе глубокіе корни, то, по замѣчанію патера Гюка, будущая жизнь занимаетъ ихъ непрерывно, а земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого они живутъ въ этомъ мірѣ, какъ бы не принадлежа ему, не

интересуясь ничѣмъ общечеловѣческимъ. Наконецъ, своимъ ученіемъ о покоѣ нирваны, о самопогруженіи души въ себя, буддизмъ указалъ такую цѣль, которая никоимъ образомъ не мирится съ общественною и государственною жизнью. Отъ этого буддистъ подчиняется всякой силѣ и непротивопоставляетъ никакой энергіи даже самому крайнему деспотизму и насилию. Его послѣдователи по этому занимаютъ пассивную роль въ драмѣ всемірной исторіи; герои буддизма отличаются пассивными качествами — терпѣніемъ, кротостію, самоотреченіемъ; имъ чужды добродѣтели, характеризующія нравственную мощь, силу и крѣпость духа; они равнодушны къ перемѣнамъ общественной жизни. Но при всемъ томъ, нельзя сказать что буддистъ дѣйствуетъ по принципу не противленія злу. Онъ не противится злу, а относится къ нему безучастно, какъ и къ добру, потому что ему нельзя волноваться.

И трудно буддисту вырваться изъ этого заколдованнаго круга, потому что для этого нужно отказаться отъ всего, чѣмъ онъ жилъ цѣлыя столѣтія, передѣлать всю свою жизнь и начать новую. Правда, жизнь для него тяжела; онъ чувствуетъ что буддизмъ давитъ въ немъ все живое и хорошее, но отказаться отъ того, чѣмъ онъ такъ долго жилъ, передѣлать сразу всю свою жизнь, ему не подъ силу; съ одной стороны потому, что общественныя реформы совершаются путемъ долгой подготовки, а съ другой потому, что есть масса лицъ, которая намѣренно препятствуетъ проникновенію въ буддійскія массы христіанскихъ идей, угрожая отступникамъ муками ада. А слѣды реформы совершаются, благодаря притоку новыхъ идей, благодаря знакомству съ другою болѣе высокою культурой и критическому отношенію къ своей. И только тогда для буддійскаго міра настанетъ новая эра, когда онъ

едѣляется представителемъ христіанской культуры, когда откажется отъ своего неестественнаго идеала. Какъ скоро настанетъ эта новая эра, это зависитъ отъ цивилизованнаго общества и, въ частности по отношенію къ бурятамъ и монголамъ, отъ насъ русскихъ.

Фальсификація восковыхъ свѣчей *).

Въ виду все большаго и большаго вытѣсненія пчелинаго воска, при выдѣлкѣ церковныхъ свѣчей, всевозможными суррогатами его, считаемъ не лишнимъ познакомить читателя по возможности ближе съ этими суррогатами. Этими суррогатами служатъ слѣд. матеріалы: японскій воскъ, парафинъ и церезинъ.

Японскій воскъ не есть воскъ естественный; онъ приготовляется искусственнымъ образомъ. Приготавливается онъ преимущественно въ Японіи изъ растительнаго воска, добываемаго изъ восковаго дерева, особой смолы и нѣкоторыхъ жирныхъ веществъ. По цвѣту онъ очень похожъ на пчелиный воскъ, но значительно его дешевле и обладаетъ меньшею плотностью. Парафинъ получается изъ каменнаго угля, нефтяныхъ остатковъ и торфа, подвергнутыхъ извѣстной обработкѣ. Примѣсь его къ воску дѣлаетъ восковую свѣчу прозрачною и сказывается сильнымъ керосиннымъ запахомъ при горѣніи.

*) Слышно, что на Верхнеудинскую ярмарку увезено много церковныхъ свѣчей подѣльныхъ, не изъ чистаго пчелинаго воска, а изъ разныхъ суррогатовъ. Желая предупредить покушку таковыхъ свѣчей церковными старостами и причтами, мы перепечатаемъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ сокращеніи статью Церковнаго Вѣстника (№ 52) объ этомъ предметѣ, написанную потому поводу, что свѣчи церковныя, взятыя однимъ церковнымъ старостой у трехъ Петербургскихъ заводчиковъ, оказались, по химическимъ изслѣдованіямъ въ лабораторіи или изъ одного парафина и др. примѣсей, безъ малѣйшаго признака воска, или только съ небольшою примѣсью чистаго воска.

По цѣнѣ онъ чуть ли не втрое дешевле пчелинаго воска. Впрочемъ и японскій воскъ и парафинъ при фальсификаціи восковыхъ свѣчей употребляются сравнительно не въ большемъ количествѣ; для примѣси къ пчелиному воску свѣчники употребляютъ главнымъ образомъ церезинъ. Церезинъ, по мнѣнію ученыхъ, есть ничто иное, какъ сгустившаяся нефть. Причины сгущенія ея наукѣ пока еще неизвѣстны, равно какъ неизвѣстно и происхожденіе самой нефти. Добываютъ церезинъ исключительно въ Австріи, въ восточной Галиціи, близь мѣстечка Бориславля. Добываютъ его тамъ ежегодно нѣсколько милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ, по собраннымъ нашимъ вольно-экономическимъ обществомъ свѣдѣніямъ, отправляется къ намъ въ Россію ежегодно свыше 300 тысячъ пудовъ, идущихъ по преимуществу на фальсификацію восковыхъ свѣчей. Центромъ церезиновой торговли является Москва, гдѣ находятся большіе склады церезина Антона Гиммельбауера и К^о, Юлія Преторіуса и др. Цѣна церезина вдвое менѣе цѣны пчелинаго воска. Фирма Юлія Преторіуса въ Москвѣ продаетъ напр., церезинъ по слѣдующимъ цѣнамъ: 1-й сортъ жолтый церезинъ 10 руб. за пудъ, бѣлый высшій сортъ 11 р. 20 к., 1-й сортъ бѣлый церезинъ 10 р. 60 к. и бѣлый двойной очистки 13 р. за пудъ. Низшіе сорта церезина также какъ и парафинъ, при горѣніи издаютъ керосиновый запахъ, высшіе же сорта этого запаха не имѣютъ, но одинаково съ первыми даютъ обильную копоть.

Принимая во вниманіе такія цѣны на церезинъ, парафинъ и японскій воскъ, намъ кажется, что говоритъ о громадныхъ барышахъ свѣчныхъ торговцевъ, продающихъ подъ видомъ пчелино-восковыхъ свѣчей по 24, 26, 30 и 32 руб. за пудъ, свѣчи приготовленныя или цѣликомъ изъ суррога-

говъ воска или съ примѣсью ихъ, далеко превышающую количество чистаго воска, совершенно излишне; дѣло представляется яснымъ само собой. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что нѣкоторые церковные старосты намѣренно покупаютъ завѣдомо церезиновыя свѣчи вмѣсто восковыхъ, думая, что церковь этимъ путемъ получаетъ болѣе выгоды (церезиновыя свѣчи продаются по 24 руб. за пудъ и даже дешевле, а чистыя пчелино-восковыя менѣе 32 руб. за пудъ купить нельзя). Подобныя расчеты положительно ошибочны. Тутъ дешевое наводитъ на дорогое и церезиновыя свѣчи, если и даютъ церкви сравнительно съ свѣчами чисто-восковыми какой-либо излишекъ прибыли, то излишекъ самый незначительный. Всѣ суррогаты воска: церезинъ, парафинъ, японскій воскъ и проч. отличаются меньшею плотностью, нежели самый воскъ и отъ дѣйствія огня размягчаются скорѣе, такъ что поддѣльная свѣча сгораетъ, по меньшей мѣрѣ, въ полтора раза быстрѣе, чѣмъ свѣча изъ чистаго пчелинаго воска. Поэтому церезиновыя свѣчи огарковъ даютъ всегда значительно меньше, нежели свѣчи восковыя, и такимъ образомъ староста, выгадавшій для церкви на покупкѣ свѣчей, необходимо прогадываетъ на огаркахъ, причемъ плюсъ почти всегда немногимъ превышаетъ минусъ. Если же мы при этомъ примемъ еще во вниманіе ту сильную копоть, которую обильно распространяютъ по всей церкви при своемъ горѣніи поддѣльныя свѣчи и которая страшно портитъ часто дорогую иконопись и заставляетъ ремонтировать храмъ черезъ каждыя 3—4 года вмѣсто 6—8 лѣтъ, то ясно увидимъ всю сомнительность выгоды для церкви замѣны восковыхъ свѣчей церезиновыми, не говоря уже ни слова о прямомъ противорѣчии подобной замѣны церковнымъ правиламъ и о вредномъ влія-

ніи употребленія такихъ свѣчей при богослуженіи на здоровье молящихся.

Отличить безошибочно поддѣльную свѣчу отъ чисто-восковой можетъ только специалистъ, человеку же несвѣдущему трудно опредѣлить по внѣшнему виду присутствіе въ свѣчѣ церезина, парафина и другихъ суррогатовъ воска. Если, на примѣръ, въ свѣчѣ находится незначительная примѣсь къ чистому воску стороннихъ элементовъ, то какіе-либо внѣшніе признаки этого указать едва ли возможно. Цвѣтъ такой свѣчи почти одинаковъ съ цвѣтомъ пчелино-восковой свѣчи и горитъ она одинаково хорошо. Другое еще дѣло, если примѣсь значительна или если свѣча приготовлена цѣликомъ изъ суррогатовъ воска. Тогда поддѣлка узнается по тому неприятному, не то керосинному, не то скипидарному запаху, который невольно бросается въ носъ, какъ скоро вы разотрете между пальцами кусочекъ такой свѣчи или даже только поднесете ее ближе къ лицу. Впрочемъ, нѣкоторые болѣе ловкіе фальсификаторы свѣчники ухищряются устранять и этотъ неприятный запахъ парафина и церезина низшихъ сортовъ, покрывая свою поддѣльную свѣчу тонкимъ слоемъ пчелинаго воска; но стоитъ эту свѣчу разломить пополамъ и скипидарно керосинный запахъ ясно обнаруживаетъ обманъ свѣчника — заводчика. Цвѣтъ парафиновыхъ свѣчей прозрачно-синеватый, а церезиновыхъ мертвенно-блѣдный. Присутствіе японскаго воска въ свѣчѣ по цвѣту можетъ указать только знатокъ свѣчного дѣла. Соединеніе этихъ суррогатовъ съ пчелиннымъ воскомъ лишаетъ восковую свѣчу тягучести и гибкости. Она дѣлается хрупкою, при растираніи крошится и не имѣетъ того пріятнаго медоваго запаха, который присущъ всегда пчелино-восковой свѣчѣ. При горѣніи поддѣльная свѣча сильно

течетъ, оплываетъ, распространяетъ смрадный, удушливый запахъ, даетъ необыкновенную копоть и при большой жарѣ въ храмѣ склоняется на бокъ. Сгораетъ она въ полтора, два раза быстрѣе чисто-восковой.

Помимо этихъ внѣшнихъ признаковъ поддѣлки восковыхъ свѣчей, не всегда одинаково легко замѣтныхъ людямъ некомпетентнымъ въ свѣчномъ дѣлѣ, можно указать внутренніе признаки присутствія примѣсей, признаки болѣе вѣрные и болѣе надежные.

Присутствіе примѣсей въ восковыхъ свѣчахъ легко можетъ быть обнаружено при помощи домашнихъ средствъ слѣдующимъ химическимъ разложеніемъ заподозрѣнныхъ свѣчей. Взять извѣстную часть воска изслѣдуемой свѣчи и вмѣстѣ съ равной по вѣсу частью поташа положить въ какую-либо стеклянную прозрачную посудину съ кипяченой водой и кипятить все это, пока воскъ не распустится въ водѣ, какъ мыло. Чистый пчелиный воскъ при такомъ кипяченіи не даетъ ни малѣйшаго осадка. Если же на днѣ послѣ охлажденія получается осадокъ, то это вѣрный признакъ примѣсей въ составѣ свѣчи къ пчелиному воску какихъ-либо суррогатовъ его. Кромѣ этого способа изслѣдованія доброкачественности восковыхъ свѣчей есть еще способъ болѣе простой и болѣе удобный, къ которому поэтому обыкновенно въ большихъ случаяхъ и прибѣгаютъ. Берутъ обыкновенную сорокоградусную водку, на 7 рюмокъ ея вливаютъ одну рюмку чистой рѣчной воды и затѣмъ въ эту разбавленную водку бросаютъ катышекъ воска изслѣдуемой свѣчи. Чистый пчелиный воскъ при этомъ опускается на дно, а воскъ, заключающій въ себѣ церезинъ, парафинъ и прочіе суррогаты поднимается на поверхность спирта.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

(IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

«ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ»

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

Дѣтскій Отдыхъ особенно рекомендованъ Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ бібліотекъ духовныхъ училищъ.

Въ 1889 году, Дѣтскій Отдыхъ будетъ выходить ежемѣсячно въ объемъ отъ 8-ми до 10-ти листовъ печатнаго текста, со многими рисунками.

Кромѣ того въ каждой книжкѣ журнала будетъ приложенъ оригинальный акварельный рисунокъ художниковъ Богатова, Степанова и др.

Съ перваго номера начнется печатаніе большаго романа для дѣтскаго чтенія Вас. Немировича-Данченко, дающаго массу этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о Волгѣ, Каспійскомъ морѣ и Кавказѣ и историческая повѣсть Н. Аксакова „Дѣти Крестоносцы“.

Условія подписки на 1889 годъ. Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 руб. на полгода 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Н. Печковской (Петровскія линіи). Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Фену „Новаго Времени“ Мартынова и Вольфа.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣтскій Отдыхъ.“

Москва, Арбатъ, Афанасьевскій пер., домъ Ганенфельдъ.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Аонасіій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи Яковъ Стуковъ.

Иркутскъ, 1889. Типографія А. А. Сизыхъ, Больш. ул. д. Гернадтъ. П